

теперь парижский народ поднимался, вооружался и настаивал на продолжении революции. Он требовал республики, отмены феодальных прав, равенства на деле. «Аграрный закон», такса на хлеб, налоги на богатых были близки к осуществлению!

«Нет! Лучше король-изменник, лучше иностранное нашествие, чем успех народной революции!» - решили богатые.

Вот почему Собрание поспешило положить конец республиканской агитации, наскоро издав 15 июля декрет, выгораживавший короля, возвращавший ему трон и объявлявший преступником всякого, кто будет стремиться к тому, чтобы революция продолжала свое шествие.

После чего якобинцы - эти якобы вожаки революции, - поколебавшись один день, отделились от республиканцев, которые предлагали устроить 17 июля на Марсовом поле грозную народную демонстрацию против монархии. Тогда уверенная в своей силе контрреволюция собрала буржуазную национальную гвардию под начальством Лафайета, направила ее против безоружного народа, собравшегося на Марсовом поле вокруг «алтаря отечества», где подписывалась республиканская петиция, заставила выкинуть красное знамя, т. е. объявить военное положение, и устроила избиение народа, республиканцев.

С этого момента начался период открытой реакции, проявлявшейся все резче и резче вплоть до весны 1792 г.

Республиканцы, подписавшие на Марсовом поле петицию о низложении короля, конечно, подверглись преследованиям. Дантону пришлось на время уехать в Англию (в августе 1791 г.). Робер (искренний республиканец, редактор «Revolutions de Paris»), Фрепон, а в особенности Марат вынуждены были скрываться.

Воспользовавшись моментом паники, буржуазия поспешила еще больше ограничить избирательные права народа. Собрание постановило, что для получения права быть выборщиком, нужно было, кроме платежа прямых налогов в размере 10 рабочих дней, еще владеть в собственность или в пользование недвижимым имуществом, оцененным в 150–200 рабочих дней, или же держать в аренде участок земли, стоимостью в 400 рабочих дней. Крестьяне таким образом оказались совершенно лишенными политических прав.

После 17 июля стало опасным называться или даже считаться республиканцем, и скоро стали называть «развращенными людьми», «которым нечего терять и которые могут только выиграть от беспорядка и анархии», всех тех, кто требовал низложения короля и провозглашения республики. Мало-помалу буржуазия становилась все смелее и смелее; и когда 14 сентября 1791 г. король явился в Собрание, чтобы торжественно принять конституцию и присягнуть ей (в тот же самый день он изменил ей), его встретили явно роялистской демонстрацией, а парижская буржуазия устроила ему и королеве восторженную встречу.

Две недели спустя Учредительное собрание закончило свое существование, и это послужило конституционалистам новым поводом для выражения своих монархических чувств по отношению к Людовику XVI. Управление страной переходило теперь в руки Законодательного собрания (Assemblée legislative), избранного на основании ограниченного избирательного права и, несомненно, более консервативного, чем Учредительное собрание. А реакция все усиливалась! К концу 1791 г. лучшие революционеры стали совершенно отчаиваться в революции. Марат считал ее погибшей. «Революция не удалась», - писал он в своей газете «Друг народа». Он настаивал, чтобы революционеры обратились к народу, но никто его не слушал. «Стены Бастилии разрушила ведь кучка бедняков, - писал он в своей газете 21 июля. - Пусть обратятся к ним - и они снова проявят себя так же, как и в первые дни; они готовы теперь, как и тогда, бороться с тиранами. *Но тогда они могли действовать свободно, а теперь они связаны*». Связаны вожаками. «Патриоты не смеют более показаться на улицу, - писал тот же Марат 15 октября 1791 г. - а враги свободы наполняют трибуны Сената (т. е. Законодательного собрания) и находятся повсюду».

Вот во что обращалась революция по мере того, как реакция одерживала верх.

Те же слова отчаяния повторял Камилл Демулен в Якобинском клубе 24 октября 1791 г. «Реакционеры, - говорил он, - обратили в свою пользу июльские и августовские движения 1789 г. Придворные фавориты, чтобы обмануть народ, говорят теперь о народном верховенстве, о правах человека, о равенстве всех граждан и наряжаются в мундиры национальной гвардии, чтобы получить или даже купить места офицеров этой гвардии. Вокруг них собрались те, кто поддерживает трон. Демоны аристократии проявили адскую ловкость».

Прюдом открыто говорил, что *нации изменяют ее представители, а войску - его начальники*.